

Театр

Мотив пушкинский. Вердикт современный

Н. И. Андросович

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

— Театр прочно вошел в нашу жизнь, — сказал Николай Иванович. — В нем служат неравнодушные к искусству люди, принадлежащие к различным театральным профессиям. На сцене нашего театра ставились как произведения русской и зарубежной классики, так и современные драмы и комедии. Некоторые постановки носили экспериментальный характер. Хочу пожелать труппе театра творческого долголетия. Пусть его репертуар пополнится новыми именами и произведениями, а хорошо известная классика будет прочитана по-новому талантливо и взыскательно, что, несомненно, заставит говорить о нашем театре как об одном из лучших в России.

Итак, свой 98-й сезон Великолукский драматический театр открыл спектаклем «Смотритель», поставленным московским режиссером Юрием Печенежским по мотивам произведений А. С. Пушкина («Станционный смотритель») и Н. М. Карамзина («Бедная Лиза»). И, действительно, искать в этом спектакле цельный дух Пушкина и его героев не стоит, ну разве что самую малость, лишь отголосок, выраженный в знаковых именах и сюжетной линии, давшей повод рассказать совсем иную историю человеческих отношений, историю любви, которая «всегда права», историю запоздалого покаяния, случившегося на одной из провинциальных — то ли почтовых, то ли железнодорожных — станций. Ее необычность заключается в том, как было заявлено в начале спектакля, что «Россия начинается здесь». Россия!.. Унылая, безнадежная, срывающаяся с насиженных мест в поисках лучшей доли. А вот

обретающая ли ее — вопрос, на который ни режиссер-постановщик, ни артисты, занятые в спектакле, ответа не дают.

Карамзинские вариации на тему сентиментальной повести «Бедная Лиза», которую с завидным постоянством, как руководство к действию, перечитывает Дуняша, дочь станционного смотрителя Самсона Вырина (в этой роли на нашей сцене дебютировала актриса Дарья Корнева), вовлекают в действие и остальных участников сценического повествования: рассказчика Белкина (Денис Осинин), ставшего не безучастным

Дуняша (Д. Корнева)

и жалостливым свидетелем разрывающейся на его глазах драмы с продолжением драмы, заезжего гусара Минского (Михаил Морозов)... Надо заметить, что все персонажи в спектакле Ю. Печенежского таят в себе неоднозначный подтекст. Все они проживают несколько жизней. Из XIX века, при помощи своеобразных инсталляций, видеороликов, рассчитанных на то, чтобы поразить воображение публики, они, эти герои, смело врываются в век XXI, где одно остается неизменным — уездная железнодорожная станция, с гудками локомотивов, светом семафоров, пронсящими иногда без остановок пассажирскими составами, на которые (следуя логике постановщика) кто не успел, тот опоздал, с рабочими-путейцами, как-то банально пеняющими на свою судьбу. Чувство Родины — России, у них напрочь отсутствует, ибо кто-то из них прибыл на эту малоизвестную станцию из Воронежа, кто-то из Тулы. Прибыл заработать себе на хлеб насущный, и вот сидит в мрачных думах, обогреваясь возле железной бочки, в которой тлеет огонь надежды.

Чуть позже кто-то из этих же ра-

бочих, оказавшись в пушкинских временах, превратится, как в сказке, в печального, забитого тяготами жизни ямщика (Владимир Иванов), в пройдоху-доктора и ярмарочного купца (Евгений Петров), спешащего по делам казенной надобности сурового генерала и самовлюбленного

Ямщик (В. Иванов)

дьячка, чьи глаза скрывают от мира очки с переливающимися стеклами-

Путеец (Е. Петров) и Белкин (Д. Осинин)

«хамелеонами» (Василий Владимиров), и станет ясно, что все смешалось в этом спектакле. Не только времена, нравы и сюжетные коллизии, но даже костюмы выдуманных режиссером героев. Их костюмы, как, впрочем, и сценография, искусно созданные художницей Ольгой Богатищевой, — все это существует на грани жанров, стилей, модных направлений и приговоров. Они, как правило, вырваны из контекстов разных эпох, стилизованы и при этом отражают извечное желание людей показать себя на ярмарке тщеславия, не остаться незамеченными на кратком балу удачи.

Спешит не упустить свой шанс и Дуняша, молодая особа, щеголящая по сцене в пурпурных трусиках спринтера и обычных валенках, эпатируя недоумевающих зрителей. Казалось бы, всем своим видом

Купец (Е. Петров), генерал (В. Владимиров) и Минский (М. Морозов)

она должна волновать окружающих ее мужчин, но они смотрят на нее, скорее, насмешливо, нежели восторженно.

Добрая помощница отца-смотрителя, без претензии на глубокомыслие, до поры до времени услужливая и послушная, но тайно мечтающая, как и «бедная» Лиза, о своем Эрасте, о чем-то большем, чем жизнь на обреченной на закрытие станции, — вот такой представлена публике Дуняша Вырина. Какими-то особенными чертами характера актриса Дарья Корнева ее не наделяет. Просто живет себе барышня, которую развлекают то

язненному Вырину (замечательная работа Игоря Николаева!), помнящему евангельскую притчу о блудном сыне, вероятнее всего, померещится огонь самой преисподней. Впрочем, искусница Дуняша вновь обманет своего отца. Она покроет голову этим причудливым ярковышневным платом и начнет походить на «мадонну» с известного полотна Мурильо. Время истинного покаяния придет к ней с опозданием.

Драма станционного смотрителя — скромного российского чиновника, какой раскрывает ее нам искренний И. Николаев, воспринимается с необычайным интересом и вызывает ответное сопереживание. Любопытен в спектакле и Белкин Денис Осинина, который, волею обстоятельств оказавшись прикосновенным к судьбе отца и дочери, хранителю этого по-своему сакрального места — станции, становится наследником их памяти, свидетелем, летописцем того, что еще совершится на ней. Ведь кое-какие жители там остались. Есть и священник, а с ним, пусть и немногочисленный, но приход.

Представленной на прошлой неделе премьеры, при всех ее достоинствах, все же не хватило четко расставленных смысловых акцентов. Увлечшись изобразительным рядом переднего плана, режиссер-постановщик мало позаботился о том, чтобы эффектные мизансцены плавно сменяли друг друга, чтобы сценическое искусство органично сочеталось с видеосюжетами, ко-

Дуняша (Д. Корнева) и Вырин (И. Николаев)

шим взглядом.

Именно через слушание отца, через нравственное падение глазам Дуняши-содержанки открывается небедный мир Петербурга. Преступлением родительской воли она, в сущности, подталкивает любящего и страдающего отца к краю бездны. Но прежде чем повиснет за его спиной очередная инсталляция из разнокалиберных пустых бутылок, Самсон Вырин доберется до берегов державного города. И ему откроется, правда, иначе, чем Дуняше, город великих соблазнов, на пике которых, а, скорее всего, на зеленом поле бильярдного стола, превращенного фантазией Ю. Печенежского в ложе преступной любви, увидит он свою дочь вместе с гусарским поручиком Минским, укутанных ярко-малиновым, вздымающимся, словно раскаленная лава в кратере вулкана, покровом. В его движении погруженному в отчаяние, богобо-

торых в этом проекте было слишком много. Что же, пушкинский мотив с его христианской милостью к падшим в спектакле прозвучал как доминанта. Вердикт малым железнодорожным станциям русской глубинки, в духе веяний времени, беспощадно произнесен, и он по современному жесток и прагматичен. Давно уже сошли в небытие почтовые станции со своей уникальной историей. С исчезновением в расписании движения поездов, делающих остановки на небольших железнодорожных станциях, замрет, остановится и на них естественный ход жизни. Вся Россия, как будто предупреждает спектакль Юрия Печенежского, начинается с таких вот неприметных станций малых городов, и они порой цементируют ее крепче иного строительного материала.

Людмила СКАТОВА

Фото Евгения НИКОЛАЕНКОВА

Артисты Е. Петров, В. Владимиров, Д. Корнева, М. Морозов, Д. Осинин и режиссер Ю. Печенежский (крайний справа)